

С.С. Сухинов
ВОЙНА СКАЗОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ш

Наследники звезд

Сергей Сухинов

Война сказок

«Мультимедиа»

1992

Сухинов С. С.

Война сказок / С. С. Сухинов — «Мультимедиа»,
1992 — (Наследники звезд)

«Тропинка к дому вела через поляну с высокой, уже пожухлой травой, набухшей от холодной росы. Утренний туман еще не рассеялся – только поднялся вверх, обнажив темные стволы старых лип, вытянувшихся в нестройную аллею вдоль дорожки. Тугой воздух был насыщен горьковатыми запахами увядания, напоминавшими о близившейся осени, но белесое пятно солнца, еле просвечивающее сквозь жемчужную завесу тумана, еще дарило тепло, и Эмми почти не мерзла, хотя ее сандалеты быстро набрякли влагой, а голые руки покрылись легкими мурашками...»

© Сухинов С. С., 1992

© Мультимедиа, 1992

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Сухинов

Война сказок

Глава 1

Тропинка к дому вела через поляну с высокой, уже пожухлой травой, набухшей от холодной росы. Утренний туман еще не рассеялся – только поднялся вверх, обнажив темные стволы старых лип, вытянувшихся в нестройную аллею вдоль дорожки. Тугой воздух был насыщен горьковатыми запахами увядания, напоминавшими о близившейся осени, но белесое пятно солнца, еле просвечивающее сквозь жемчужную завесу тумана, еще дарило тепло, и Эмми почти не мерзла, хотя ее сандалеты быстро набрякли влагой, а голые руки покрылись легкими мурашками.

Полицейский неодобрительно посмотрел на девочку и неуклюже стал выбираться из черного «Барса», захватив с заднего сиденья сумку с радиоключом.

– Ранняя осень будет в этом году, – сказал он, кутаясь в синий форменный плащ. – Сынишка вчера видел, как в поле ветер нес паутину – это в августе-то!..

– Если вы не возражаете, я бы хотела войти в дом, – с еле сдерживаемым раздражением произнесла Эмми.

Полицейский поджал губы. Черт знает что! На вид – совсем еще девчонка, лет двенадцать, не больше, но держится – словно член сената. И одета не так, как ныне принято у молодежи, – ни «музыкальной» юбки, складки которой при соприкосновении друг с другом издают мелодичные звуки, ни кофты-кокона, ни модных этим летом звездчатых серег с пульсирующим светом... Словно на работу в саду собралась – кофейные свободные брюки, коротенькая серебристая блуза, сумка из тростника через плечо. Такие сумки здесь, на материке, уже два года как потеряли спрос. Только волосы хороши – пышные, соломенного цвета, с нитями венерианских ракушек. Впрочем, с такой милой мордашкой ей наряжаться особенно и ни к чему... Мордашка-то милая, а вот характер – очень уж сноровистый! Ничего, мы тоже набычиться можем...

Он некоторое время не отвечал, поигрывая браслетом радиоключа, и с равнодушным видом осматривался по сторонам, словно забыл, как оказался здесь, в этом лесу, в тридцати километрах от Ричмонда. Крупные мулатские черты его лица выражали полнейшее спокойствие.

– К чему спешить, мисс? – наконец сказал он с легкой издевкой в голосе. – И потом, мы, представители власти, не привыкли, чтобы нами распоряжались, да еще девчонки со скверной репутацией. Вот именно – скверной! Ваш социндекс, если не ошибаюсь, минус четыре?

Эмми закусила губу. Еще три года назад она бы не выдержала и наговорила этому тупоголовому брюнету все, что она думает о нем и заодно обо всех других так называемых «представителях власти». Но долгие годы, проведенные в закрытой школе-интернате для маленьких бунтарей, многому научили ее, и она промолчала.

– В принципе я вообще не хотел пускать тебя в этот дом, – задумчиво продолжал полицейский, с тайным удовольствием наблюдая, как темнеют от ярости девчоночьи глаза. – Дом законопреступницы, хоть и сдохшей – да, именно сдохшей! – не место для нормальных людей и даже для интернатов. Ну и что из того, что эта безумная старуха Ангелина Бакст была твоей бабушкой? Тем правильнее было бы для тебя держаться подальше от этих мест. Все равно ее имущество согласно закону перейдет в фонд Гейбла, зачем же себя травить понапрасну? Я не позволю тебе вынести из дома даже пуговицы, и все, что ты можешь здесь

заработать, так это пять или шесть штрафных баллов. А то и десять, если я походатайствую. За неуважение к представителю власти при исполнении им служебных обязанностей – как тебе нравится такая формулировка? Скажем, ты мне надерзила, оскорбительно отозвалась в машине во время поездки о нашем Президенте, а здесь, в лесу, пыталась похитить у меня радиоключ с целью ограбления виллы. Как тебе это нравится?

Лицо девочки совершенно окаменело, губы посинели от напряжения, на лбу выступили бисерные капельки пота. Полицейский понял, что пережал, и сразу же сбавил тон:

– Ну, шучу, шучу... Понимаешь, у меня растет такая же стрелка, как и ты. Ухитрилась в прошлом году, мерзавка, набрать в школе столько же минус-баллов, сколько и самые отпетые сорванцы! Я едва не распрощался с сержантскими погонами... Вот я и думаю: что вам, молодежи, еще надо? Сыты, обуты и одеты по последней моде, открыты все дороги к тому, чтобы стать достойными членами общества...

– Так я могу пройти к дому? – тихо сказала Эмми, опуская голову, чтобы полицейский не разглядел ее глаза, в которых – она это хорошо чувствовала! – светилось холодное презрение.

Он что-то хотел возразить, потом крякнул, махнул рукой и набрал на ручке радиоключа специальный код. Внешне ничего не произошло – только там, вдалеке, у большой резной калитки, мягко звякнул запор, с которого была снята блокировка. Но Эмми знала, что все не так просто. Вилла окружена по периметру десятками телекамер, сигнальных сирен и даже хорошо замаскированных ловушек. Как и любая другая недвижимость законопреступника, она должна была, согласно кодексу Гейбла, два года стоять на полной консервации – на случай, если наследники смогли бы оспорить решение Верховного суда, а затем все ценное из дома изымалось, а сам он предавался огню. Завтра запылает и этот с детства знакомый старомодный дом, напоминавший формой большую марсианскую трехстворчатую раковину. Это будет так скоро... И все же она успела. Успела!

Не оглядываясь, она пошла по узкой тропинке, впечатывая подошвы сандалет во влажный песок. За два года, прошедших после смерти бабушки, трава изрядно потеснила некогда идеально ровную дорожку, выбросила на нее десятки побегов, которые каким-то чудом прижились на специально обработанной полоске почвы. Пышные кусты жасмина, некогда посаженные с искусственным смещением циклов цветения – чтобы окрестности благоухали с ранней весны до начала октября, – теперь выродились, одичали и лишь кое-где светились снежными пятнами почти не пахнувших цветов. Еще несколько неспешных шагов – и ажурная металлическая калитка, густо заросшая хмелем, с протяжным скрипом распахнулась, приветливо приглашая Эмми во двор. Двор ее далекого детства...

* * *

Эмми не была почти пять лет в кабинете бабушки и потому не без тайного волнения подошла к овальной двери, густо заросшей синфлорами – за создание этих искусственных вьющихся растений Ангелина Бакст еще студенткой получила Большую премию Академии. Мясистые светло-зеленые ветви, давно не политые, жалко обвисли, спускаясь волнистым потоком на пол. Некоторые из них сумели дотянуться до синтетического ковра в гостиной и наполовину поглотили его, выбросив вверх сотни чахлах побегов. Стараясь не дышать глубоко – разлагающиеся листья синфлоров испускали терпкий запах жженой резины, – девочка потянула на себя ручку двери и на негнущихся ногах вошла в полутемную комнату. Здесь, в небольшом уютном кабинете, почти ничего не изменилось: высокие стены, плотно заставленные шкафами с сотнями книг; круглый стол на витой ножке, сделанный из прекрасного экземпляра листа марбии, который бабушка Ангелина некогда привезла из своей первой венерианской экспедиции; несколько матовых дисплеев, посаженных, как цветки кипрея, на один тонкий ствол – кронштейн. Между шкафами голубовато отсвечивал двухметровый стереоэкран видео – единственное новшество, которое бабушка разрешила установить в своем доме за последние десять лет жизни.

Девочка невольно поежилась – в комнате было душно, сыровато и немного жутко, будто она и не провела здесь, за столом из листа марбии, много-много счастливых дней. Трудно поверить, но именно здесь в трехлетнем возрасте, высовывая язык от старания, она вывела свои первые буквы...

Раздался резкий щелчок – и Эмми невольно вздрогнула. Экраны дисплеев, казавшиеся безнадежно мертвыми, внезапно ожили, расцветившись феерическим каскадом шестиугольных пятен. Овальный воронкообразный раструб, поблескивая темным стеклом, стремительно заворочался на конце кронштейна, словно ощупывая комнату своим зрачком, и наконец остановился, вперив прямо в лицо девочки холодный подозрительный взгляд. Небольшая ЭВМ, установленная прямо на полу рядом с кронштейном и дисплеями, немедленно загудела, шурша магнитными лентами, замигала десятками желтых и зеленых огоньков – и неожиданно засветился большой экран видео. Пораженная Эмми увидела на нем знакомый кабинет и стол из листа марбии, у которого, закутавшись в шотландский плед, сидела в кресле-качалке... бабушка Ангелина! Она выглядела очень бледной и утомленной, с синими кругами под набрякшими веками – такой она никогда в жизни не была. В жизни?

– Я рада тебя видеть, девочка, – ласково произнесла бабушка, приветливо помахав рукой. – Вот ты и вернулась в свой старый опустевший дом...

– Здравствуй, – пробормотала Эмми, задыхаясь от бурных ударов сердца. – Здравствуй, бабушка...

– А ты прекрасно выглядишь, милая, – улыбнулась миссис Бакст. – И как ты выросла! Сколько же тебе сейчас лет, хотела бы я знать. Впрочем, это нетрудно установить...

Эмми едва не вскрикнула и невольно отшатнулась, прижавшись к прохладной полировке книжного шкафа, когда бабушка неожиданно наклонилась вперед, щуря свои голубые глаза и внимательно разглядывая ее с ног до головы.

– Ну конечно, тебе уже двенадцать лет, – после некоторого размышления произнесла она странным, чуть дрожащим голосом. – Какая же ты высокая и худенькая – неужто в интернате так плохо кормят детей? И брюки ты напрасно носишь при такой фигурке – подожди еще года два, три... А вот кофточка очень мила... Но не холодно ли в безрукавке в такой сырой август?

– Бабушка... – пролепетала Эмми, тяжело опускаясь на кресло-качалку – то самое, в котором сидела бабушка Ангелина за экраном. Сидела?

Эмми всхлипнула.

– Но как же?.. Как же?.. Значит, ты... ты не умерла?

Изображение на экране чуть дернулось. Миссис Бакст с грустным и виноватым видом покачала головой:

– Прости меня, Эмми, прости... Я причинила тебе лишние страдания... Но ты знаешь мою страсть к театральным эффектам и розыгрышам! И даже сейчас, спустя... два года после своей смерти, я не могу избавиться от этой слабости. Но почему, собственно, слабости? Меня лишили возможности при жизни поговорить с моей любимой внучкой, но почему же не попробовать сделать это после ухода в мир иной? Не плачь, милая! Увы – чуда не произошло, и я не воскресла... И все же я по-своему вижу и слышу тебя... Как?

Эмми немедленно прекратила всхлипывания – бабушка, как всегда, умело и неожиданно поставила перед ней очередную логическую задачу. Сколько раз уже так было!..

Она попыталась собраться с мыслями, инстинктивно понимая, что бабушка Ангелина просто пытается вывести ее из состояния шока – логические загадки, тем более окутанные туманом тайны, были ее слабостью с самого детства. Так... Ну конечно, последние годы бабушка много времени уделяла стохалингвистике.

– Это... ЭВМ? – наконец выдавила из себя Эмми. – Это она говорит со мной?

Миссис Бакст одобритительно кивнула головой.

– Молодец, девчонка, догадалась! Хотя и не до конца. «Видит» и «слышит» тебя, конечно, лишь моя персональная ЭВМ – мне это, увы, уже не под силу. Но большую часть фраз буду произносить я сама – и это было очень просто сделать! Видишь ли, Эмми, последние месяцы жизни, когда я поняла, что обречена... Впрочем, не буду об этом. Словом, все оставшиеся силы я потратила на подготовку этой встречи – ведь я уверена, что перед сожжением виллы они дадут тебе проститься с ней. Таковы правила кодекса Гейбла! Меня после судебного процесса лишили всего, даже возможности переговорить с тобой по видеотелефону... или даже просто послать письмо. А мне так хотелось этого! И вот я решила спрогнозировать сотни возможных вариантов нашего с тобой разговора – так, чтобы ЭВМ, в зависимости от сказанного тобой, могла легко подыскать наиболее подходящие видеофайлы и тем самым создать иллюзию обычной беседы. Лишь немного я поручила сказать самой ЭВМ – она научилась довольно сносно имитировать мой голос. Например, при всем желании я не могла угадать, сколько тебе сейчас лет и как ты одета... Это определила ЭВМ по специально составленной мной программе и сама синтезировала подходящие фразы. Все это звучит довольно глупо, да, Эмми? Наверное, я уже впадаю в детство... Но мне так хотелось, чтобы когда-нибудь в моем кабинете прозвучал не мой монолог, а наш разговор. Ты ведь простишь глупую старую бабуку, дорогая моя Эмми?

Девочка печально кивнула, догадываясь, что телеустановка ЭВМ внимательно следит за ее реакцией. И действительно, изображение на экране вновь чуть дернулось. Вычислительная машина выбрала новый подходящий видеофайл – и бабушка просияла.

– Спасибо, – растроганно сказала она, поправляя слегка растрепавшиеся седые волосы. – Я знала, что ты поймешь старую чудачку... Даже после кончины мне хотелось бы остаться самым оригинальным программистом материка! А теперь постарайся забыть, что наше с тобой общение... э-э... несколько искусственно, и расскажи, как у тебя идут дела, – для меня это очень важно! Как-никак, это я во многом виновата, что на такую кроху свалилось столько невзгод за последние годы. Подумать только – пять лет в закрытом интернате для соцминусов! И как это твой отец мог допустить такое... Кстати, как у родных дела?

Вопрос бабушки прозвучал так естественно, что Эмми подробно рассказала о том, что случилось пять лет назад, в то страшное лето, когда отец подарил ей Машину Сказок. Перед ее внутренним взором огромной сахарной пирамидой возник Дом – необъятный небоскреб, почти на километр возвышающийся над гладью океана недалеко от материка. Кто знает, как бы повернулись события, если бы она, Эмми, тогда еще семилетняя девчонка, признанный всеми вундеркинд, не решилась восстать против бесчеловечности, царящей на бесчислен-

ных этажах Дома? Ее возмущал всеобщий контроль за всеми поступками каждого человека, жестокая система соцбаллов, когда положение личности на социальной шкале определялось Большой Вычислительной Машиной... Воспитанная бабушкой совсем в ином духе, она чувствовала себя в Доме совершенно одинокой, и особенно в школе, где ее постоянно травили и одноклассники, и даже учителя. Машина Сказок помогла ей создать маленького бесстрашного рыцаря, характер которого был так похож на благородных воинов легендарного короля Артура. Сэр Галахад, сын славнейшего рыцаря Ланселота, стал ее тайным товарищем – единственным, кому она могла поверить свои мысли и мечты. И когда по доносу директора школы мистера Кроннера ее, Эмми, решили отправить в исправительный специнтернат для «социально опасных детей», маленький рыцарь обнажил свой меч и встал на защиту своей прекрасной дамы. Галахад погиб в неравной схватке, а ее на следующий день с согласия насмерть перепуганных родителей, озабоченных только своей судьбой, перевели на минус тридцать этажей, в закрытую школу-колонию особого режима...

Миссис Бакст внимательно слушала взволнованный рассказ внучки, сочувственно кивала, время от времени задавая вопросы, так что вскоре у Эмми создалась полная иллюзия разговора.

– Понимаешь, бабушка, – с горячностью говорила она, облокотившись на столик, – настал день, когда у меня отняли все. И моего друга Денни – помнишь, я писала тебе о нем, это мальчик из рабочей семьи? И мои любимые книги, и Машину Сказок. Я потеряла и Галахада... Быть может, я бы сумела восстановить бедного рыцаря, но отец выбросил Машину Сказок в мусоропровод. Он очень испугался – видите ли, из-за меня социндекс всей семьи понизился и ей стала грозить перспектива переезда на более низкий этаж. Сама знаешь, какие порядки царят в таких Домах, как наш... Ну почему у нас так опасаются всякого инакомыслия, бабушка? Даже если носитель его – семилетняя девчонка, начитавшаяся классической литературы прошлых веков...

Миссис Бакст грустно улыбнулась и закачалась на кресле, задумавшись.

– Я знала, что ты мне задашь этот вопрос, – тихо произнесла она. – Тебе ведь больше некому его задать? Как бы тебе объяснить... Видишь ли, наше общество только кажется простым и открытым. Эту догму нам вдалбливают с самого детства, как и сотни других больших и маленьких догм, которые не подлежат ни сомнению, ни обсуждению – их просто впитывают с молоком матери. После всего этого нетрудно называть себя свободным обществом – ведь ростков инакомыслия практически не существует!.. Раньше, до Большого Раздела Мира, все же существовала некоторая свобода мнений. Но когда в двадцать четвертом году наконец был подписан Большой Мирный договор и вслед за ядерным уничтожено и почти все обычное вооружение, все и началось. Мир вздохнул облегченно – угроза уничтожения больше не висела над планетой. Но не всем это понравилось, Эмми, далеко не всем. И не то чтобы были люди, которые мечтали о танковых побоищах, – нет, все не так просто. Еще в период обсуждения Большого Мирного договора наши газеты пестрели предупреждениями – мол, нельзя прекращать гонку вооружения, это грозит ростом безработицы и, как следствие, еще большим распространением наркомании, сектантства. Молодежь, лишенная перспектив, может окончательно уйти от общества своих отцов... Так и произошло! И тогда объединенное правительство стран Запада вынуждено было искоренить последние ростки свободы – той свободы, которой мы так гордились в эпоху атомной угрозы! Все партии, за исключением правящих, были уничтожены, загнаны в глубокое подполье, началась дикая травля инакомыслящих... И в первую очередь взялись за «распустившуюся» молодежь: школы превратились в казармы, интернаты – в тюрьмы... Впрочем, это, к сожалению, ты знаешь лучше меня... У нас мало времени, родная моя внучка, я думаю, что полицейские впустили тебя в дом часа на два, не больше?

– Всего лишь на час, – криво улыбнулась Эмми.

– Ах, даже так... Тогда надо поскорее переходить к главному. Быть может, я плохая бабушка и напрасно баламучу детскую душу. Я уже причинила своей любимой внучке немало неприятностей, и, прежде чем мы продолжим разговор, я хотела бы знать: готова ли ты пойти по моим горящим следам? Возможно, это звучит очень напыщенно, но со своими колоссальными способностями ты сможешь сделать немало добра людям – и очень много зла самой себе. В двенадцать лет ты вряд ли сможешь сознавать всю опасность шага, на который я тебя толкаю. Интернат для соцминусов станет лишь началом твоих мытарств, но ты станешь по-настоящему счастливым человеком, Эмми! Жить, борясь за свои убеждения, чувствуя рядом хоть и не многих, но верных друзей, и мечтать о том, чтобы люди на земле стали братьями, – разве это не счастье? Я прожила долгую жизнь, полную лишений и тревог, но ни за что не променяла бы ее на сытое спокойное существование обывателей, жадно ловящих каждое слово очередного Президента... Выбирай сама, девочка, но помни: от того, что ты решишь сейчас, зависит многое в твоей дальнейшей судьбе.

Эмми долго молчала. Перед ее глазами невольно встали картины безрадостной жизни в интернате: темные, сырые коридоры; тускло освещенные классные комнаты, лишённые зелени и обитые серыми металлическими листами; глухие шаги воспитателей, одетых в унифицированную форму. И Глаз, недремлющий Глаз, со скрипом поворачивающий свой стеклянный зрачок. Он отслеживал каждый ее шаг, каждое движение, каждое слово...

Позади – пять лет сурового, почти тюремного режима, созданного в интернате с целью подавить в «социально опасных» ребятах самостоятельность мышления. Стандарт и еще раз стандарт – это было главным принципом «воспитания»... Стандарт в одежде, в сочинениях на любую тему, в том числе и на вольную... Малейшие отклонения сурово наказывались карцером. Ох, о карцере лучше не вспоминать! Если бы бабушка знала, как тяжело ей там пришлось... Словно по душе прошелся тяжелый асфальтовый каток! За пять лет – ни одной книги в руках, кроме опостылевших учебников, ни одного душевного разговора с друзьями, да их и не было, друзей... О каких дружеских отношениях могла идти речь, если за каждым из ребят днем и ночью следил свой неусыпный Глаз!

Первый год был для нее кошмаром – она бунтовала в ответ на малейшую попытку унижить или оскорбить ее. Тогда воспитатели применили свой испытанный метод усмирения непокорных и натравили на нее однокашников. Мол, Эмми Карлейн своим неуправляемым поведением, дерзкими высказываниями и безрассудными поступками снижает социальный статус всего класса, и расплачиваться за это будут все – например, лишним годом обучения в интернате. На следующий же день ей устроили «темную», а затем еще и еще... И ей пришлось сломить свое упрямство – чтобы выжить! Пришлось научиться лгать, прятать свои мысли, с равнодушным видом проходить мимо нуждающегося в помощи, не отвечать улыбкой на улыбку, писать до приторности «правильные сочинения» о «прекрасном новом мире, в котором ей повезло родиться и жить...».

Два года она обрастала новой кожей, да так успешно, что даже придирчивый Глаз стал выставлять ей – единственной в классе! – высшие баллы по поведению. К воспитателям она тоже сумела подобрать ключик, каждого сумела расположить к себе. Она не позволяла себе ни одной неординарной мысли, ни одного резкого слова. Послушность и заурядность – вот что внешне стало главным ее принципом! В результате за месяц до выпускных экзаменов она была признана лучшей ученицей интерната. В качестве поощрения ей, единственной из воспитанников, предоставлен летний недельный отпуск. Дальше предстоит трехмесячная практика в какой-нибудь дыре, и, если все будет нормально, у нее появится шанс поступить в средней руки колледж. Если все будет нормально...

– Не-е-ет, – с трудом выдавила из себя Эмми, опуская голову, чтобы не встречаться глазами с бабушкой. – Вернее, я не знаю. Я так устала... Жить ради идеи, даже самой замечательной, я не готова. Пока не готова. Может быть, когда-нибудь позже...

Изображение на экране вновь чуть дрогнуло. Бабушка грустно и понимающе кивнула, не отводя от внучки любящих глаз.

– Я понимаю тебя, девочка, очень хорошо понимаю... Признаюсь, мне не раз приходили в голову такие же мысли: к чему все эти страдания и мытарства? Каждые девять из десяти наших сограждан твердо уверены, что мы – агенты какого-нибудь вражеского государства. А потомки... Прости, все это лишь старческое брюзжание. Я постоянно забываю, что моей внучке всего двенадцать лет и что ты только-только начинаешь жить. Время покажет, на чьей стороне ты окажешься, и вряд ли это будет сторона господина Президента...

– Я подумаю... – еле слышно прошептала Эмми, опуская глаза от стыда. – Пока ничего не могу обещать тебе, бабушка. Сейчас я хочу одного – спокойной жизни! Чтобы спать на обычной мягкой кровати, над которой бы не висел ледяной зрачок Глаза... Ходить по воскресеньям в парк, общаться с другими ребятами, делать то, что захочу...

Она замолчала. Глубокое волнение охватило ее, но разве все передашь в нескольких словах?

Миссис Бакст долго молчала – неподвижная, холодная, с поникшими плечами. Прошла минута, две... Эмми заволновалась: она вспомнила о том, какую роль играет в их странном разговоре компьютер. Кто знает, быть может, он вышел из строя? Или бабушка не захочет с ней больше общаться и так и будет сидеть в кресле живым для нее, Эмми, укором? Осталось всего десять минут. А завтра утром дом запыхает, унеся в небытие тайну бабушкиных слов...

– Хорошо, – наконец произнесла миссис Бакст, улыбнувшись, – пусть будет по-твоему. Спокойная жизнь, семья, дети, хорошие отношения с властями – об этом должна мечтать каждая нормальная женщина. Почти каждая... Я искренне желаю тебе счастья, Эмми, и, если бы не твои феноменальные способности, я бы не стала морочить тебе голову! И все же перед тем, как ты навсегда уйдешь из этого дома, а меня поглотит пламя, я хотела бы рассказать тебе об одной вещи... Ты что-нибудь слышала о Проекте, по которому на побережье собираются создать огромную Страну Сказок?

Эмми недоуменно покачала головой:

– У нас в интернате не бывает газет. А видео... Много ли можно узнать по видео?

– Видео здесь ни при чем, девочка. О Проекте предпочитают пока не распространяться... Но работы идут полным ходом, и в них вложены миллиардные средства – гораздо большие, чем в создание колонии на Марсе! Что-то за этим кроется страшное, Эмми, но что – нам с друзьями не удалось толком разузнать. У меня есть одно предложение, Эмми... После интерната тебе предстоит трехмесячная практика. Что бы ты сказала, если бы тебе предложили участвовать в Проекте как молодому, но талантливому программисту? Мои друзья смогут устроить для тебя вызов... А дальше смотри сама. Полное завершение работ по Проекту рассчитано на полтора-два десятка лет. Если в штате специалистов появится перспективная девушка, то все выиграют. И они... и мы – я имею в виду моих друзей. Сейчас, я уверена, они достаточно хорошо контролируют ситуацию, но что будет через год, пять, десять? От тебя, Эмми, пока ничего не требуется. Наоборот, веди себя, как ты выражаешься, «нормально». Ну, что скажешь?

– Я согласна, – озадаченно произнесла Эмми. – Хотя не очень понимаю, чем могу помочь твоим друзьям...

Бабушка немедленно просияла.

– Отлично! Я знала, что ты не откажешь. А теперь подожди несколько минут – компьютер должен передать кое-какую информацию моим друзьям в городе. Две-три минуты, не больше...

Изображение на экране замерло. Погасли дисплеи, зато огоньки на пульте ЭВМ начали какой-то новый танец. Эмми подумала: интересно, а что сейчас происходит там внутри, за серебристым кожухом? Составление и кодировка информационного пакета? Или, быть может, даже шифровка? Почему бы и нет? Судя по всему, ее «разговор» с бабушкой был

важен не только для них двоих... Девочка почувствовала гордость – значит, она кому-то нужна! И кто-то рассчитывает на ее способности!

Неожиданно все вокруг погасло – экран, дисплеи, ЭВМ и даже лампа на столике. В комнате воцарились глубокие сумерки. И тут же за плотно зашторенными окнами раздались нетерпеливые автомобильные гудки.

Все ясно! Час, отведенный на прощание с домом детства, прошел. Повлажневшими глазами Эмми обвела полутемную комнату. «Вот и все, – тихо шептала она, – вот и все... Прощай, бабушка Ангелина, на этот раз навсегда! Прости, я огорчила тебя сегодня... Но иначе я не могла. Прости...»

Когда гудки автомобильного клаксона стали злыми и настойчивыми, Эмми не оглядываясь, быстрым шагом вышла из кабинета. От резкого толчка кусты синфлоров сорвались с гладкой поверхности двери и рухнули, распластав на полу густые синие ветви.

Глава 2

Тетива была спущена, черная стрела шнуром протянулась от стрелка до могучего дуба, стоящего на самом краю скалистого обрыва, и со звоном вонзилась в бугристую кору, точно в глаз нарисованного мелом дракона.

– Ну, что скажешь, Саманта? – гордо сказал высокий худощавый мальчик, опуская тяжелый самодельный лук. – Кто из нас выиграл?

Девочка, одетая так же, как и он, в грубые кожаные штаны и куртку, живописно украшенную бахромой и фигурными медными бляшками, подошла к дереву и с уважением потрогала гладкое древко стрелы, еще чуть дрожащее от удара.

– Ты выиграл, Робин, – сказала она, не оборачиваясь.

Мальчик торжественно поднял лук над головой, а затем приложил правую ладонь ко рту. Раздался громкий победный вой – вой одинокого матерого волка, одолевшего противника.

Девочка вздрогнула, но не обернулась – ей не хотелось встретиться взглядом с карими глазами Робина, вообразившего себя отважным разбойником из Шервудского леса. «Робин Гуд согнул в дугу железный прут, а железа в том пруте – как горчицы в молоке...» Как там дальше в детской считалочке?..

Набравшись духу, она сделала несколько шагов вперед, скользя сапогами по мелким колючим камешкам. Еще один неуверенный шаг – и она встала на самом краю выступа, нависающего на стометровой высоте над бурлящим горным потоком. Рядом была только сеть обнаженных сухих корней дуба, за них можно ухватиться, если...

Крепкая рука легла на ее плечо.

– Не надо, Саманта, – тихо произнес Робин.

Они еще несколько минут постояли на краю обрыва, не в силах оторваться от завораживающего зрелища: внизу бушевал искрящийся поток, над которым висела белесая пелена пены и брызг, а на противоположной стороне возвышалась стена иорных гор, густо заросших буковыми и ясеневыми лесами – тоже иорными. Еще выше был только молочный купол неба с бледным желтком прохладного октябрьского солнца, к счастью настоящего. Впрочем...

Робин, проследив за взглядом девочки, усмехнулся:

– Не беспокойся, это обычное солнце. Пока обычное...

– А что, разве в Проекте есть...

– Не знаю, – раздраженно отрезал он. – Меня это не касается. И тебя тоже! Наше дело маленькое – наладка сенсорных систем «уродцев». Нажал кнопку включения тестовой задачи – и через десять минут выключил. Потом опять нажал... И так далее, все три месяца практики. А все остальное – гори оно огнем...

Саманта резко дернула плечом, сбрасывая руку Робина, и окатила его, как холодным душем, взглядом серых глаз. Густые соломенного цвета волосы, выбивающиеся из-под бархатного берета с белым пером, возмущенно всплеснулись.

– Нам пора идти, – сухо сказала она. – А то опять получим нахлобучку от Пекаря... И тетя Нейла поставит тебя в угол. Ты ведь не хочешь огорчить тетю Нейлу, хороший мальчик Робин?

– А зачем мне обязательно ее огорчать? – опустив глаза, сказал он.

– Конечно, незачем, – согласилась девочка. – Робин – да не Гуд, пошли на Станцию, нас ждут...

Они еще раз взглянули на скалистые вершины иорных гор – за последнюю неделю горы заметно выросли! – и пошли в сторону Тракта. Саманта, как всегда прямая и решительная, уверенно шла впереди, забросив за спину лук, из которого она сегодня так позорно стреляла.

Бесстрашный Робин брел сзади, бормоча под нос: «Пекарь... Что мне ваш Пекарь! Нейла... Нашла тетю!.. Даже ниже меня на два дюйма!»

Спустившись по крутой тропинке с утеса, на котором одиноко стоял разлапистый дуб, друзья вошли в густую рощу молодых лип – тоже иорных. Они успели заметно подрасти, пока Робин в течение двух часов пытался научить Саманту приемам китайской борьбы, владению деревянным мечом и стрельбе из лука. Нельзя сказать, чтобы совсем безуспешно, но Робину в его вунд-школе встречались девчонки и потолковее... Например, крестообразный удар: мечом в лицо и одновременно кинжалом в грудь – это же так просто!

Он настолько увлекся мысленной схваткой с коварным противником, что Саманте пришлось самой разыскивать еле заметные следы кабаньей тропы, ведущей через рощу к Тракту. Когда Робин опомнился, они уже стояли на опушке Вековечного леса, в какой-то сотне метров от южной оконечности дороги.

– Молодец девчонка! – сказал он, не скрывая восхищения. – Я-то думал, ты опять заплутаешься в дебрях и заведешь меня куда-нибудь в Глухомань...

– А ты поменьше бы спал на ходу, – осадил его Саманта, но уже не так сердито – похвала обрадовала ее. Не часто Робин удостаивает ее такой чести и правильно делает...

Опушка леса заросла молодыми иорными ясенями с серебристыми гладкими стволами и могучими кронами, образующими несколько этажей, на которых, согласно летописи Толкина, любили жить эльфы. «Почему на Станции нет ни одного эльфа? – подумала Саманта. – Кого только не выращивает Пекарь и его помощники в Родильне: гномов, троллей, орков, а эльфов – ни одного. Быть может, их создают на других станциях? Надо будет спросить сегодня наставника – но тихо, когда рядом не будет мисс Нейлы или кого-нибудь из воспитателей. Тоже мне воспитатели – с хлыстами в руках...

Пройдя неширокую полосу ясеней, практиканты углубились в чащу тонкоствольных тополей – уже настоящих, выросших, как сорная трава, за восемь лет действия Проекта. Земля под ногами потеряла прежнюю упругость, набрякла холодной, с ржавым налетом водой. Робин пошел впереди, уверенно перепрыгивая с кочки на кочку и подавая руку Саманте в самых трудных местах. Еще несколько метров они продирались сквозь глухую крапиву, высоко подняв руки, чтобы уберечь лицо от жалящих листьев, а затем еле заметная тропинка резко пошла вверх, выходя на Тракт.

Робин одним прыжком одолел крутой подъем, остановился на мгновение и со сдавленным криком прыгнул назад, сбив с ног ничего не подозревавшую Саманту. Они упали в жесткую придорожную траву и затихли.

– Враги? – еле слышно прошептала девочка.

– Хилари из банды мисс Эмпигс, – так же тихо ответил мальчик. – Ведет «уродцев» на полигон...

Саманта уже и сама поняла, кто идет по Тракту, – вблизи отчетливо раздавались цокот копыт и слоподобный топот. Набравшись духу, девочка привстала на колени и осторожно раздвинула ветви кустарника. Из-за поворота на широкую грунтовую дорогу, именуемую громко Внешним Трактом, выехал всадник на могучей черной лошади. Одежда его тоже была черной – широкий развевающийся плащ, под которым тускло поблескивали вороненые доспехи. Ребристый шлем глубоко утопал в плаще, нависая над мглистой пустотой, в которой светились два холодных красноватых огонька. За Черным Всадником гуськом потянулись шесть троллей – последней усовершенствованной модели. Огромные, почти трех-

метровой высоты, с тупыми носорожьими мордами, они кротко перебирали своими колоннообразными ногами, поднимая тучи пыли. Плотно сбитый коротышка с добродушным красным лицом следовал в нескольких шагах позади на юрком электрокаре и тяжело дышал. Время от времени он разражался проклятиями.

Биороботы шумно проследовали мимо Саманты, не заметив ее возбужденного лица среди густого кустарника – лишь Черный Всадник, казалось, чуть скосил глаза-огоньки. Через две минуты Тракт вновь опустел, только пыль, поднятая ногами троллей, продолжала висеть желтым бурлящим облаком.

– Кто это был? – небрежно спросил Робин. Он лежал на спине, заложив руки за голову, и со скучающим выражением на лице лениво грыз сухую травинку.

– Кажется, Уильям, – с сомнением ответила Саманта, поднимая с земли брошенный колчан со стрелами. – Во всяком случае, мне показалось, что он подмигнул мне одним глазом...

– Тогда точно это был старина Уильям, – безапелляционно заявил Робин, упругим движением вскочив на ноги – Саманта даже охнула от восхищения. – Другие назгулы если бы почувяли нас... Пришлось бы нам давать тягу – только пятки бы засверкали!

– С ними был Хилари с электрохлыстом в руках, – напомнила девочка, поднимаясь вслед за товарищем на Тракт. – Если бы кто-нибудь из «уродцев» сделал хоть шаг в сторону...

– То я бы с ним разделался по-свойски! – расхохотался Робин.

Сорвав со лба обруч, опоясывающий длинные, до плеч, волосы, он высоко подбросил его в воздух и тут же, сбросив лук с плеча, послал вслед ему стрелу. Обруч, вращаясь, поднялся метров на пятнадцать, и в момент, когда он развернулся к земле своей плоскостью, стрела прошла точно в его центре. Робин заулюлюкал и вновь издал победный клич.

Саманта, смеясь, потрепала его по жестким густым волосам.

– Робин Гуд согнул железный прут, – с иронией сказала она. – Пошли скорее, а то Пекарь надерет нам уши!

Станция – шесть белых разнокалиберных зданий – располагалась в нескольких километрах от Внешнего Тракта на вершинах двух тесно примыкающих друг к другу лесистых холмов, разделенных глубоким оврагом. На Медвежьем холме стояло пять корпусов – Родильня, Операторная, Киберцентр, Склад, а также жилое помещение со столовой. Святая святых Станции – Лаборатория возвышалась на самой скалистой макушке соседнего Лисьего холма. Над оврагом был протянут неширокий мост из стеклопластика, настолько прозрачного, что у идущего по нему невольно возникало ощущение, что он парит в воздухе. Связь с Центром и другими Станциями, а их вокруг Территории располагалось двенадцать, осуществлялась с помощью грузовых и пассажирских вертолетов и флайеров, для которых был выстроен небольшой аэродром у подножия Медвежьего холма. Раз в неделю по средам на Станцию доставлялись продукты, почта и необходимые материалы для Родильного цеха, и так же раз в неделю, но уже по пятницам, большой грузовой флайер увозил партии подготовленных биороботов. Куда и зачем – об этом среди персонала Станции, насчитывающего около тридцати человек, говорить было не принято. А если и находились желающие порасуждать за ужином в кругу приятелей о дальнейшей судьбе «уродцев», то на следующий день говоруна вызывала к себе в Лабораторию начальница Станции мисс Нейла Эмингс. После такого визита у провинившегося портилось настроение на неделю-две. Так текли месяц за месяцем – пока в начале сентября на Станции не появились три практиканта из лучших школ материка для вундеркиндов.

* * *

Узкое коричневое шоссе, расчерченное белыми полосами, резко пошло наверх и плавно свернуло направо. Из-за густых елей показался цилиндрический корпус Склада, около которого рядком стояли несколько широких приземистых автофургонов. И тут же у подножия древней сосны, на скамейке под покатым навесом, их ждал Пекарь.

– Гуляете, дети мои? – вкрадчиво прогудел он низким басом и, набычившись, свирепо посмотрел на практикантов снизу вверх, сверкая маленькими карими глазками из-под густых нависших бровей.

Саманте он показался похожим на огромного гризли, растревоженного в своей берлоге. Вот сейчас он подыметя во весь свой двухметровый рост и мощной волосатой рукой сгребет и подомнет их под себя...

Вопреки ожиданиям биохимика, молодые люди переглянулись и закатились от смеха.

– Что такое? – обиженно спросил Пекарь, оглядывая свой варварский наряд – серый балахон из грубой мешковины, закрытый спереди черным мясницким передником. – Разве я выгляжу недостаточно грозно? Тролли, страшные лесные тролли, и те дрожат, когда я захожу в цех. А двое обнаглевших сосунков, сбжавших с утренних занятий, не желают пасть ниц при виде своего разгневанного руководителя!

– Простите, наставник, – еле сдерживая смех, произнес Робин. – Вы же сами просили, чтобы из этого хилого ребенка, – он кивнул в сторону Саманты, – я сделал что-то стоящее. Не знаю уж, чему учат у них на юге, но девчонка не владеет даже примитивной гимнастикой йогов! Бегаёт она ничего себе, а в остальном – полнейшая размазня... Ой, Саманта, оставь в покое мои волосы – больно!

– Я тебе покажу размазню, – хмуро пообещала девочка, нехотя выпуская из рук жесткие черные пряди. – Говорила же я вам – я долго болела в детстве, а в вунд-школе у меня были дела поважнее...

Пекарь пытливо, без улыбки, всмотрелся ей в глаза. Саманта смутилась и покраснела.

– Ну что ж, поважнее так поважнее, – после некоторой паузы пророкотал биохимик. – Хотя первый день работы над драконом – дело тоже не пустяковое...

– Над драконом? – в один голос воскликнули пораженные практиканты.

– Элдис уже в Родильне – с самого утра занимается подбором биокомпонентов, – усмехаясь в пышные усы, сказал Пекарь. Кряхтя, он поднялся со скамейки и глыбой навис над молодыми людьми. – Толк выйдет из парня, не то что из вас, разгильдяев... Даже не верится, что в своих школах вы были в числе лучших! (Саманте вновь показалось, что Пекарь бросил на нее подозрительный взгляд.) Ладно, дело покажет, кто чего стоит... А теперь марш в столовую! Затем парень пусть направит свои индейские мокасины в сторону Операторной – сегодня надо помочь ребятам в составлении программы общего вида дракона. А ты, Саманта... Сходи-ка, девочка, в библиотеку, полистай книжки – нам с тобой надо будет на днях поколдовать над мозгом этой твари... Вечером, как всегда, настроите отчет о проделанной работе. Хотя бы пару страниц в дневнике – договорились?

– Разве мы подводили вас, наставник? – обиженно вскинулся Робин.

– Помню, помню, – отмахнулся от него огромной рукой Пекарь, посмеиваясь в усы и с удовольствием скользя взглядом по стройной, мускулистой фигуре мальчишки. – Кстати, Робин, вечером я, так и быть, поучу тебя метать нож... И особо – приемам обороны от троих соперников. Слишком уж ты прямолинеен, брат, в схватке – хитрости и сметки маловато... А сейчас – за дело!

Зардевшись от удовольствия, Робин приложил было ладонь ко рту, но, поймав укоризненный взгляд наставника, смешался и бегом помчался в сторону столовой. Саманта, стара-

ясь не выдавать волнения, неторопливо пошла за ним, беспечно размахивая луком и что-то тихо напевая.

Пекарь, заложив руки за спину, задумчиво смотрел ей вслед.

* * *

Библиотека располагалась на втором этаже сборочного цеха, входящего в состав Родильни. Обширное помещение цеха было плотно заставлено матовыми кубами синтез-стендов трехметровой высоты. Они были соединены сотнями разноцветных кабелей с мощной ЭВМ, специализированной на создании биороботов и поэтому прозванной Мамашей. Девочка долго петляла среди стендов, задыхаясь от густого воздуха, насыщенного запахами разогретого металла, озона и сырого мяса. Не без труда она наконец выбралась в дальний угол зала, к белой лестнице с высокими поручнями. Со вздохом облегчения Саманта стала подниматься по рифленным ступенькам, но тут сзади послышался душераздирающий вопль.

Один из матовых кубов, мимо которого девочка только что беспечно проходила, оказался распахнутым. Из дверного проема валил сизый дым, расцвеченный пульсирующим красным светом.

– Джим, что ты стоишь, помогай! – раздался изнутри синтез-стенда отчаянный голос. – Видишь, эта дубина не хочет выходить!

– Сам ты дубина, – пророкотал в ответ густой, могучий голос. – Чего это я туда пойду? Там холодно...

– Он еще спорит! Джим, угости этого парня «хлыстом»!

– Зачем же «хлыстом»? – глубокомысленно прогудел новорожденный «уродец». – Вот ежели ныне была бы эпоха Древнего Египта, времен, скажем, Хефрена, то...

– Рассуждает! – с восхищением вскрикнул кто-то. (Саманта узнала голос младшего наладчика киберузлов Джима Стайрона.) – Слушай, Тед, а откуда тролль может знать о Древнем Египте? Ему вроде бы не положено...

– ...Или, например, период термидорианской реакции во Франции конца восемнадцатого века, – продолжал бормотать тролль. (Саманта смутно различала в дымном облаке его дубообразную фигуру.) – Тогда с оппозицией обращались запросто: раз – и нету... Ныне же, когда на дворе стоит четвертое десятилетие двадцать первого века и мир и благоденствие воцарилось над многострадальными народами... Ой-ой-ой! Я же говорил – не надо «хлыстом»! Давайте-ка лучше порассуждаем логично. Кто потерпит в споре позорное поражение, тот и выйдет на лютый мороз...

– Все ясно, – грустно сказал пожилой мужчина, выходя из стенда и снимая с крупной головы дыхательную маску.

Присмотревшись, девочка узнала Теда Норвила – одного из ведущих биохимиков Родильни. Тед достал из верхнего кармана халата сигарету и нервно закурил, как будто ему не хватало клубов дыма, окутывающих его плотную фигуру.

– Кто программировал вчера вечером этого тролля? Джим, ты слышишь меня, мой мальчик?

– ...Или, скажем, эпоха дворцовых переворотов в России, – задушевно продолжал тролль. Время от времени он высовывал из бурлящего облака мощные конечности и тут же с обиженным стоном убирал их внутрь «куба».

– Джим, не слышу ответа...

Парнишка-наладчик нехотя вышел наружу. Он был всего лет на пять старше Саманты. В сгорбленной позе его худенькой фигуры выражалось искреннее раскаяние.

– Понимаете, мистер Норвил, я вчера готовился к экзамену по всемирной истории и случайно уронил учебник в информприемник «Мамаши»...

– ...А как расправлялись с бедными индейскими племенами жестокие испанские колонизаторы! – со слезой в голосе проревел тролль.

– Запри это чучело... – со вздохом сказал Тед, безнадежно махнув рукой в сторону стенда. – После обеда будем разбираться, ведь это явный брак...

– Кто брак – это я брак? – еще больше обиделся тролль. – Какая жестокость – так обращаться с юношей, который только начинает свою многострадальную жизнь, овеванную бурями и штормами, ураганами и цунами, торнадо и...

Дверцы стенда захлопнулись, и стенания тролля стихли. Оба наладчика, весело переговариваясь, ушли. И тут же за спиной Саманты раздался бодрый голос:

– Жаль все-таки этого громилу – чувствую, пойдет он сегодня на переплавку за здорово живешь... Может, выпустим его, Эмми?

Девочка вздрогнула и резко повернулась, еле удержав равновесие. Колени ее предательски подогнулись, руки задрожали. Но рядом никого не было!

– Кто... кто это сказал? – срывающимся голосом спросила она.

Раздался тихий смешок. Она опустила глаза и увидела небольшого толстого человечка с румяными щеками и волосатыми ногами, одетого в клетчатую ковбойку и короткие полосатые брюки. Человечек не сводил с нее вишневых глаз, в которых искрились веселые огоньки.

– Кто... кто вы такой? – еле слышно пробормотала Саманта.

– Неужели не видно? – обиженно протянул коротышка, забавно вытянув губы дудочкой. – А еще выдает себя за знатока сказок...

– Вы... хоббит? – с изумлением выдохнула девочка. – Но как же?... Ведь хоббиты Проектом не предусмотрены... И как вы узнали?..

Маленький человечек вскочил и, быстро перебирая коротенькими ножками, помчался наверх – словно вихрь пронесся. Девочка в испуге обернулась. Ей показалось, что среди матовых кубов тихо скользнула гибкая тень. Собрав волю в комок, она не спеша, с достоинством пошла наверх, но ее не оставляло чувство, что из мглы опустевшего зала за ней следят чьи-то колючие, недобрые глаза.

* * *

В уютной овальной комнате, заставленной до потолка сборниками сказок всех времен и народов, царил тишина. Узкое стрельчатое окно выходило в сторону Лисьего холма, где среди невысоких сосен белел купол Лаборатории. Девочка огляделась в растерянности по сторонам – хоббита и следа не было! Но здесь и спрятаться негде...

– Не нашла, – хихикнул кто-то рядом. – И что у вас, людей, за глаза – вроде и смотрите, а ничего-ничегошеньки-то вы не видите...

Хоббит неожиданно вынырнул из-за маленького столика, заваленного книгами в роскошных переплетах. Усмехаясь, он остановился посреди комнаты, заложив руки за спину и чуть склонив голову набок.

– Отвечаю на твои вопросы, милая Эмми, – наконец важно произнес он. – Итак, вопрос первый: настоящий я хоббит или нет? Считаю, что это вопрос бестактный и очень даже глупый. Вопрос второй: откуда я знаю, что твое настоящее имя вовсе не Саманта? Это другое дело, это, что называется, взять рога за быка...

– Наоборот, – улыбнувшись, поправила хоббита девочка.

– А-а-а... Простите, я хотел сказать – взять быка за бока, – невозмутимо поправился маленький человечек, поглаживая свои густые курчавые бакенбарды. – Или что-то в этом роде... Ну вот, сбила... О чем это я хотел рассказать?

– О том, как вы узнали...

– Понял – и прошу тебя помолчать, иначе, клянусь святым Бильбо, я опять собьюсь!..
Э-э... Так вот, мы, хоббиты, хорошо знали миссис Ангелину Бакст, а заодно и тебя.

– Но откуда же?..

– Откуда? Смешной вопрос и очень даже глупый – откуда. Ясное дело – из норки! Помнишь, в бабушкином саду, среди корней старого вяза, была огромная-преогромная нора...

– Конечно, помню! – обрадовалась девочка. – Как-то в детстве я попыталась туда забраться, только голова и пролезла...

– Точно, пролезла! – передразнил ее хоббит, укоризненно поджимая толстые губы. – И едва не придавила своей огромнойловицей вашего покорного слугу, который сидел на камне и мирно грыз орехи... Кстати, – хоббит наклонил голову и шаркнул правой ногой, – я, кажется, забыл представиться... И все потому, что ты постоянно меня сбиваешь... Вот и сейчас сбита – о чем это я хотел сказать?

– Вы хотели представиться, – смеясь, напомнила забавному человечку Эмми – Саманта.

– Разве? Разве я еще не назвал свое имя? Какой позор... Я никогда не допускал большего промаха – клянусь доблестным Фродо! Меня зовут Сэмбо. Готов служить тебе, прекрасная громила...

Саманта, она же Эмми, в досаде топнула ногой.

– Не называйте меня громилой, прошу вас, милый Сэмбо. Я помню из сказок Джона Толкина, что так вы зовете нас, людей. И все равно это не очень воспитанно: говорить девочке, что она – громила.

– Ах, подумаешь, какие вы чувствительные! – надул толстые розовые щеки Сэмбо. – Ну да ладно, сейчас не время для обид. Как говорится: потехе время – делу час...

Девочка хотела вновь поправить самоуверенного хоббита, но удержалась – вдруг он опять обидится?

– Вот именно – делу час. Я никогда ничего не путаю, прошу запомнить! И этот час дела настал...

Сэмбо замер на полуслове. Его круглые уши отчетливо зашевелились под шапкой жестких кудрявых волос, ноздри раздулись.

– Что такое? – прошептала девочка, испуганно оглядываясь по сторонам. Ей вспомнилась неясная тень, мелькнувшая среди синтез-стендов... Но разве это была не кошка?

– Тссс! – поднял предостерегающе палец Сэмбо. – Я сейчас...

И он мигом исчез, словно и не стоял только что посреди комнаты.

Минуты через три он вновь вырос словно из-под земли – на этот раз у окна. Вскарабкавшись на подоконник, хоббит осторожно выглянул из окошка, всмотрелся – и даже крикнул от досады.

– Ушел! Это же надо – ушел! Растяпа я, растяпа!

– Кто ушел? – озадаченно спросила девочка, с подозрением оглядываясь на темный провал двери.

– Кому надо, тот и ушел, – грубо буркнул Сэмбо, неуклюже слезая на пол. – Будем надеяться, что он нас не подслушивал. А теперь продолжаю. О чем?

– О норке.

– Да, о норке. Мои предки жили под Ясенывым холмом за много веков до того, как там появились первые люди – я уже не говорю о твоей бабушке. Но с громилами у нас общих дел нет. Смотришь только, чтобы они не раздавили тебя ненароком лошаадьми и всякими повозками!.. Разговариваем с ними только в самых крайних случаях. Только единственный раз наше племя пустило к себе человека, да и то не здесь, а далеко, за океаном...

– Я знаю, – кивнула Саманта, светящимися от любопытства глазами следя за толстяком. – Это был англичанин по имени Джон Толкин, живший в прошлом веке... Его сказочные повести о вас, хоббитах, знает весь мир!

Хоббит поморщился, будто съел ложку горчицы.

– Надо же, как обрадовалась, – свирепо сказал он, смешно подергивая коротким носом. – Из-за этого мне теперь и расплачиваться! Я не Бильбо и не Фродо и о всяческих жутких приключениях люблю слушать, сидя в мягком уютном кресле за вечерним чаем... А какое нынче может быть чаепитие, коли такие дела вокруг творятся? Читали бы вы, громилы, рассказы вашего Толкина – уж не знаю, что он о нас там наврал! – читали бы и в наши дела не совались. Мало того, что землю везде присвоили – негде и норки нормальной выкопать. Так нет, еще решили всю нечисть, о которой мы, нынешние хоббиты, только из легенд и слышали, вновь выпустить на свет! Знаешь ли ты, что последний тролль погиб под обвалом скалы еще пять веков назад? Про орков не слыхать лет двести, не меньше... Гномы – о, великий Гэндальф! – на земле вновь появились угрюмые, завистливые гномы! На прошлой неделе я своими глазами видел парочку этих корыстолюбцев, копавших яму у подножия Меловой горы – ну той, из новых... как-то они по-дурацки называются...

– Иорные горы, – объяснила девочка. Она уселась на мягком стуле рядом с окном, взяла в руки толстую книгу с красочной обложкой – это были «Хранители», первый том эпопеи Джона Толкина «Властелин колец», – и украдкой сравнивала рисунок на обложке с живым хоббитом. Сходство, конечно, было, но... – Иор – это сокращение от слов: искусственно организованный рельеф, – объяснила она Сэмбо.

Тот встал рядом и растерянно смотрел на изображение всех девяти Хранителей Кольца Всевластья. Среди них был хоббит Фродо, главный Хранитель, и мудрый волшебник Гэндальф с развевающейся белой бородой.

– Здесь на побережье теперь почти все иорное – и холмы, и реки, и леса... И все это выросло за какие-то восемь лет! Ты что-нибудь слышал о Проекте?

– Знать ничего не хочу ни о каких Проектах, – пробурчал хоббит, вырывая у девочки толстый том. – Ну предположим, кое-что слыхал... Все равно Расскажи, только быстро: сейчас обед кончится и внизу снова соберется громил – видимо-невидимо...

– Проект – это план создания здесь на побережье нового Диснейленда... Тьфу – ты же ничего не знаешь о Диснейленде!.. Понимаешь, это страна, в которой можно встретиться со сказочными персонажами, поиграть в увлекательные игры. Скажем, погнаться за волком вместе с непобедимым мышонком Майти Маусом или встретиться с Великим и Ужасным волшебником из страны Оз... Сначала такой Диснейленд находился только в Лос-Анджелесе, а позже подобные игровые городки появились в разных странах. Прежде в них многое было примитивным – роли сказочных героев играли механические куклы, которые всего-то и умели, что раскрывать рот да размахивать руками. Но сейчас, когда люди научились делать биороботов... Ты знаешь, что такое биоробот, Сэмбо? Оболочка его – кожа, волосы, мускулы – синтезируется, печется из специальных составов. Надо только задать в ЭВМ, которую у нас на Станции называют «Мамашей», специальную программу. Можно потом получить все что хочешь – тролля, орка или даже дракона...

– Никого я не хочу, – заявил Сэмбо, взгромоздясь на стол и болтая в воздухе толстыми мохнатыми ножками. – Ни троллей, ни тем более орков! Ишь ты, что вздумали печь – нечисть всякую! Нет чтобы выпекать побольше сдобных булочек к чаю... А кто такая эта ВЭЭМ? Или МЭЭ... ВЭЭ...

– ЭВМ – это электронно-вычислительная машина, – безнадежным голосом произнесла Саманта. – Тебе этого все равно не понять...

– Кажется, не глупее некоторых, – обиделся хоббит. – Ты смогла бы пробраться из Огайо, где находятся наши исконные места, сюда, на побережье? Да так, чтобы никто из

громил этого не заметил? Ладно, рассказывай дальше. Я-то, конечно, про все эти... Э-э... ВЭЭМы давно знаю, хочу только тебя проверить.

Девочка рассмеялась.

– Не обижайся, Сэмбо, ты очень умный хоббит. Итак, после выпечки заготовки будущих биороботов помещают в те самые белые синтез-стенды, которые ты видел внизу в цехе. Там в заготовки вставляют металлический скелет и небольшой искусственный мозг. И биоробот почти готов! Остается только научить его кое-чему – этим занимаются люди, которые называются программисты...

Хоббит с таким интересом слушал Саманту, что даже перестал мотать ногами в воздухе. Спohватившись, он вновь принял независимый, равнодушный вид.

– Это-то я давно знаю! Подумаешь, какой секрет... Только вот слова ты все какие-то странные произносишь. Я их, конечно, уже слышал – мы, хоббиты, давно ваши человеческие языки выучили, но все равно до меня как-то не все доходит...

Девочка вздохнула. Ну как хоббиту объяснить, например, что такое программа?

– Ты говори, говори, – поторопил ее Сэмбо, беспокойно оглядываясь по сторонам. – Я домой, в норку, хочу. Меня еле уговорили сюда, на вашу территорию, пробраться, чтобы я разобрался, что к чему.

– Дальше я и сама пока не очень понимаю, – призналась Саманта. – Биороботы – тролли и орки – они как бы немного живые... Когда работа над ними заканчивается, их увозят куда-то в закрытых грузовиках и отпускают на волю. Куда – об этом знает только начальница Станции. Говорят, «уродцы» начинают самостоятельную жизнь – создают себе жилища, делают оружие. И через полгода, когда по планам должна начаться Игра, они начнут действовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.